

Пороль О.А.

Оренбургский государственный университет

E-mail: olgaporol@mail.ru

БИБЛЕЙСКИЙ МОТИВ ПУТИ В ЛИРИКЕ АКМЕИСТОВ

В статье впервые рассмотрен библейский мотив пути в лирике акмеистов. Анализ поэтических текстов проведен в семантическом аспекте с применением метода текстовых параллелей.

Ключевые слова: мотив пути, мотив дороги, библейский мотив, акмеизм, лирика.

Мотив дороги – один из ведущих мотивов в русской литературе. Мотив *пути* также встречается в художественных текстах, но критических работ о нем немного. В современном литературоведении стало актуальным рассматривать разного рода лирические путешествия, плавания и прогулки в поэзии акмеизма (Е.А. Куликова), «культуронимы», являющиеся географическими реалиями и определенным культурным фоном (С.Ю. Бердоносова). Функционирование мотива *пути* в поэзии акмеизма изучено недостаточно. Так, О.Е. Беспалова концепцию лирического героя Н. Гумилева связывает с представлением о нем, как о страннике, «путь <которого> пролегает не только в мире, где пространство и время обладают характеристиками физического, земного мира, но и в пространстве ментально-духовном, культурном, религиозном» [2: 195].

Среди фундаментальных исследований идеи *пути* по-прежнему актуальными остаются книга Д.Е. Максимова «Поэзия и проза Ал. Блока» [9] и книга Л. Долгополова «Александр Блок. Личность и творчество», в которой литературовед говорит о том, что первой и «самой важной для Блока гарантией при оценке того или иного писателя, критика, поэта, актера, живописца является наличие пути» [7: 157].

Мотив *пути* в номинативном и вариативном значении в лирике Блока достаточно частотен. Возникает закономерный вопрос о наследовании акмеистами определенных образов, символов, мотивов поэтики символистов. Существует ли *акме* (выражение П. Флоренского) образа пути в лирике акмеистов, и какую оно содержит семантическую наполняемость.

Акмеизм стал началом нового художественного понимания силы слова после обращения поэтов к Логосу, библейскому Слову.

«Для акмеистов сознательный смысл слова, Логос, такая же прекрасная форма, как музыка для символистов» [11: 178].

В славяно-русской традиции Слово – это Сын Божий, Логос, Господь Иисус Христос. К Логосу акмеисты устремились, как к возможности защитить себя, искусство слова от скоротечно меняющегося внешнего мира, надвигающейся пустоты. Возникло новое миропонимание, которое позволило постичь мир как целое. Так, в стихотворении О. Мандельштама «Вот дароносица, как солнце золотое» (1915) изображена вершина христианского богослужения, соединения неба и земли, изображен *мир* в его *целостности*.

Вот дароносица, как солнце золотое,
Повисла в воздухе – великолепный миг.
Здесь должен прозвучать лишь греческий язык,
Взят в руки *целый мир*, как яблоко простое
[10: 343].

Слово в поэзии акмеистов начинает обретать целостность и гармонию.

Оно вновь становится сакральным, в противовес существующему речевому хаосу эпохи начала XX века. «По существу, нет никакой разницы между словом и образом. Слово есть уже образ запечатанный: его нельзя трогать. Он не пригоден для обихода, как никто не станет прикуривать от лампадки» [11: 222].

«Преодоление символизма», диаволического дискурса (выражение А. Ханзен-Леве [16]), раздвоенности, восстановление целостного мировоззрения стало причиной поиска акмеистами иного пути. Вполне допустимо, что стремление к целостности стало одной из причин функционирования библейского мотива *путь* в творчестве Н. Гумилева, А. Ахматовой и О. Мандельштама.

Известная обращенность поэтов к Логосу (устойчивое функционирование в их поэтических концепциях библейских имен и символики) позволила нам провести текстопараллели между художественными текстами и текстом Библии.

Рассмотрим лексико-семантический фон (термин Е.М. Верещагина) слова *путь* в тексте Библии.

Христианство в Библии (Евангелии) осмыслено как *путь*: «Глагола ему Иисус: аз есть *путь* и истина и живот: никтоже приидит ко Отцу, токмо Мною» [Ин. 14: 6].

Слово *путь* частотно в Библии. Оно употребляется для описания религиозной и нравственной жизни человека, его нравственных и духовных исканий. В Библии человеку открываются два пути – *путь добра* и *путь зла*: «Яко весть Господь путь праведных, и путь нечестивых погибнет» [Пс. 1: 6].

Таким образом, глаголы, говорящие о пути и движении человека, в Св. Писании часто применяются для выражения *пути нравственного*, духовных исканий людей.

Происходившие в России социально-экономические и социально-культурные процессы на рубеже XIX–XX веков способствовали возникновению ощущения драматизма земного бытия у многих поэтов и писателей. Очувтившись в круговороте совершающихся потрясений, приняв или отторгнув изменения мира, культурная элита пыталась обрести себя, найти свое место, свой путь во времени и пространстве. Обращение к инобытию, к новым преобразованным религиям и, наконец, к Логосу – стало попыткой заполнить возникшую духовную пустоту.

Поиск истины в себе, «своего места во Вселенной» (выражение О. Мандельштама) поневоле «спровоцировал» появление библейского мотива *путь* в творчестве Н. Гумилева, А. Ахматовой, О. Мандельштама.

Известно, что мотив *пути* в лирике Н. Гумилева претерпел динамику: в раннем творчестве поэта изображалось реальное географическое пространство. И если особенность ранней лирики Гумилева – уход от современной реальности, стремление к экзотике, то впоследствии в мировоззрении автора происходит приятие действительности такой, какая она есть.

Ты прости нам, смрадным и незрячим,
До конца униженным, прости!
Мы лежим на гноище и плачем,
Не желая *божьего пути*
(«Франции», 1918) [6: 192].

В стихотворении «Вечное» (1912) семантика *пути* раскрывается через лексику, выражающую значение духовного поиска: *слепое блуждание души, дорога к солнцу от червя, шел... в громах и кроткой тишине, посох*.

Я душу обрету иную,
Все, что дразнило, уловя.
Благословлю я золотую
Дорогу к солнцу от червя.

И тот, кто шел со мною рядом
В громах и кроткой тишине,
Кто был жесток к моим усладам
И ясно милостив к вине,

Учил молчать, учил бороться,
Всей древней мудрости земли, –
Положит посох, обернется
И скажет просто: «Мы пришли».
(«Вечное», 1912) [5: 85].

Слова «солнце» и «червь» – известные по своей смысловости библейские образы. Христос в русской культурной традиции отождествляется с образом Солнца. Например, в праздничной песне Рождеству Христову встречается выражение: «Тебе кланяемся Солнцу правды», в акафисте Иисусу Сладчайшему: «Воссиял для всей Вселенной просвещение Твоей Истины, то есть воссияло как Солнце». В святоотеческой традиции принято считать, что «праведники, возрожденные словом Божиим, воссияют некогда, как солнце в царствии Отца их». Образ червя по специфике своих ассоциаций сложнее, чем образ солнца, мог быть заимствован автором из книг Ветхого Завета, Псалтири или в более поздних вторичных литературно-философских текстах. В Псалтири есть псалом [Пс. 21: 7], где скорбно описываются крестные страдания Христа: «Аз же есмь червь, а не человек, поношение человеков и унижение людей» [13: 23].

Земная жизнь в представлении Гумилева – долгая и суетная жизнь, поэтому поэт свою земную жизнь (*путь*) называет *томлением*:

Я не прожил, я протомился
Половину жизни земной,
И, Господь, вот Ты мне явился
Невозможной такой мечтой.
(«Я не прожил, я протомился...», 1915)
[6: 74].

Можно утверждать, что замена мотива *дороги* на мотив *пути* свидетельствует о выборе поэтом духовного вектора: от горизонтального (географического) движения к движению по вертикали. В стихотворении «Потомки Каина» (1909) можно наблюдать сосуществование двух мотивов: широкого вольного земного пути и пути трудного, крестного.

Для юношей открылись все *дороги*,
Для старцев – все запретные труды,
Для девушек – янтарные плоды
И белые, как снег, единороги.

Но почему мы клонимся без сил,
Нам кажется, что Кто-то нас забыл,
Нам ясен ужас древнего соблазна,
Когда случайно чья-нибудь рука
Две жердочки, две травки, два дровца
Соединит на миг *крестообразно*?
(«Потомки Каина», 1909) [4: 254].

Слово «*путь*» в лирике Мандельштама не является частотным, несмотря на доминирующее количество употреблений такого слова, как *пространство*. Заметим, что семантика и частотность слова «*пространство*» в поэтическом языке Мандельштама подробно исследована П.Г. Пановой [12]. По нашему наблюдению, слово «*путь*» в библейском аспекте встречается у Мандельштама как осознание *крестного пути* в стихотворении «Душный сумрак кроет ложе...» (1910).

Душный сумрак кроет ложе,
Напряженно дышит грудь...
Может, мне всего дороже
Тонкий крест и *тайный путь*.
(«Душный сумрак кроет ложе...», 1910)
[10: 319].

«Вспоминая» о смерти, испытывая «непобедимый страх таинственных высот» перед непостижимой вечностью, поэт неизбежно произносит слово «*путь*». Например, в стихотворении «Я ненавижу свет...» (1912):

Будет и мой черед –
Чую размах крыла.
Так – но куда уйдет
Мысли живой стрела?

Или, свой *путь* и срок,
Я, исчерпав, вернусь:
Там – я любить не мог,
Здесь – я любить боюсь [10: 101].

Впоследствии в поздней лирике Мандельштама возникнет образ усталого путника, не достигшего своей цели:

Я в сердце века. Путь неясен,
А время удаляет цель –
И посоха усталый ясень,
И меди нищенскую цвель.
(«Я в сердце века. Путь неясен...», 1936)
[10: 254].

Так, в поэтике Мандельштама мотив *пути* обладает культурной и религиозной семантикой.

В поэтическом словаре Ахматовой мотивы *пути*, дороги не являются частотными в силу ее камерного стиля, ее «по-домашнему угловатому слову» (по выражению Ю. Тынянова). В стихотворении «За узором дымным стеклом» (1910) говорится о небольшом отрезке дороги: *до погоста*.

А дорога до погоста
Во сто раз длинней,
Чем тогда, когда я просто
Шла бродить по ней.

В «поэтической» концепции пространства и времени А. Ахматовой прослеживается изменение (сжатие или расширение) обычного географического пространства для передачи глубинных душевных потрясений. Географическое пространство в таком случае легко преодолевается при достижении высоких целей:

Как зачарованная шла
Через моря и реки
 («Я любимого нигде
 не встретила...», 1914)
[1: 176].

И когда друг друга проклинали
В страсти, раскаленной добела,
Оба мы еще не понимали,
Как земля для двух людей мала
 («И когда друг друга
 проклинали», 1909)
[1: 18].

Сюжетное действие разворачивается на очень широком и разнообразном географическом фоне (моря, реки, страны).

Однако в творчестве Ахматовой движение по горизонтали и движение по вертикали сосуществуют. Семантика слова «*путь*» в поэтическом тексте Ахматовой тождественна слову «*свет*». Например, в 4-й строфе стихотворения «*Помолись о нищей, о потерянной*» (1912) указанный ангелом «невидимый» свет – это скорбный земной путь.

Отчего же Бог меня наказывал
Каждый день и каждый час?
Или это Ангел мне указывал
Свет, невидимый для нас? [1: 97].

В стихотворении поэта говорится не только о внешнем, но и о внутреннем свете – святости. Подобная мысль встречается у автора «*Полного церковнославянского словаря*» Г. Дьяченко: «слова **свет** и **свят** филологически тождественны» [8].

Итак, *свет* в стихотворении Ахматовой – это категория *истинного пути* в земном мире, сама святость и стремление к ней.

Наблюдение над мотивом *путь* в лирике акмеистов, его семантический анализ в творчестве каждого из трех позволил сделать вывод о динамике понимания движения в сознании авторов: от горизонтального (мотив *дороги*) к движению по вертикали (мотив *пути*).

Думается, что выявление специфики восприятия поэтами *пути* позволит в дальнейшем подойти к составлению сравнительной типологии пространственно-временной организации их поэтических систем.

24.08.2012

Список литературы:

1. Ахматова, А.А. Собр. соч. в 6 т. Т. 1. Стихотворения 1904–1941. – М.: Эллис Лак, 1998. – 968 с.
2. Беспалова, О.Е. Текстоборазующая функция категории «пространство» в поэтических текстах Н. Гумилева // *Пространство и время в художественном произведении: Сборник научн. статей / Сост. и науч. ред. А.Г. Прокофьева, С.М. Скибин, В.Ю. Прокофьева.* – Оренбург: Издательство ОГПУ, 2002. – 276 с.
3. Библия. – М., 1992. – 895 с.
4. Гумилев, Н.С. Полное собр. соч. в 10 т. Т. 1. – М.: Воскресенье, 1998. – 502 с.
5. Гумилев, Н.С. Полное собр. соч. в 10 т. Т. 2. – М.: Воскресенье, 1998. – 344 с.
6. Гумилев, Н.С. Полное собр. соч. в 10 т. Т. 3. – М.: Воскресенье, 1999. – 464 с.
7. Долгополов, Л. Александр Блок. Личность и творчество. – Л.: Наука, 1980. – 224 с.
8. Дьяченко, Г. Полный церковно-славянский словарь. – М., 2001. – 1120 с.
9. Максимов, Д.Е. Поэзия и проза Ал. Блока. – Л., 1975. – 552 с.
10. Мандельштам, О.Э. Полное собрание стихотворений. – СПб.: Академический проект, 1997. – 720 с.
11. Мандельштам, О.Э. О природе слова // Собр. соч. в 4 т. Т. 1. Стихи и проза 1906–1921. – М.: Арт-Бизнес-Центр, 1999. – С. 222.
12. Панова, Л.Г. Пространство и время в поэтическом языке О. Мандельштама // Изв. РАН. Сер. лит. и яз. – 1996. – Т. 55, №4.
13. Пороль, О.А. Онтологическое пространство и времени в поэзии Н. Гумилева / О.А. Пороль // Вестник Российского университета дружбы народов. – 2011. – №1. – С. 20–26.
14. Тынянов, Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. – М.: Наука, 1977. – 574 с.
15. Флоренский, П. Собрание сочинений. Статьи и исследования по истории и философии искусства и археологии. – М.: Мысль, 2000. – 446 с.
16. Ханзен-Леве, А. Русский символизм. Система поэтических мотивов. Ранний символизм. – СПб., 1999. – 512 с.

Сведения об авторе:

Пороль Ольга Анатольевна, доцент кафедры русской филологии и методики преподавания русского языка Оренбургского государственного университета, кандидат педагогических наук
460018, г. Оренбург, пр-т Победы, 13, ауд. 1106, тел. (3532) 372436, e-mail: rusfil@mail.osu.ru